

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 141.8

ИДЕАЛ И УТОПИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЕ

IDEAL AND UTOPIA IN RUSSIAN PHILOSOPHY AND CULTURE

А.В. Ляхов
A.V. Lyahov

*Воронежский государственный университет,
Россия, 394018, г. Воронеж, Университетская площадь, 1*

Voronezh State university, 1 Universitetskaya Sq., Voronezh, 394018, Russia

E-mail: ier-andrey.plyus@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различия между утопией и идеалом на материале русской философии. Проанализирован механизм формирования утопического идеала, которому противопоставлена христианская духовность. Историко-философская реконструкция культурного опыта показывает, что идеал связан с духовной традицией, а утопия основывается на идолах. Обосновывается необходимость подлинных идеалов

Resume. This article discusses the differences between utopia and the ideal based on material of Russian philosophy. Here analyzed the mechanism of formation of the utopian ideal, which is opposed to Christian spirituality. Historical and philosophical reconstruction of cultural experience shows that if the ideal is associated with spiritual tradition, the utopia based on the idols. The article explains the necessity of genuine ideals for a full social and cultural life. для полноценной социальной и культурной жизни.

Ключевые слова: идеал, утопия, идол, духовность, история, культура, христианство, русская философия.
Key words: ideal, utopian, idol, spirituality, history, culture, Christianity, Russian philosophy.

Вопросы осмысления социальной утопии традиционно находятся в центре гуманитарных исследований. Несмотря на огромное количество работ, эта проблема сохраняет свою актуальность и новизну, особенно по отношению к отечественной культуре и истории. Это связано во многом с тем, что, как отмечает современный автор: «Многие исследователи русского национального характера указывают на то, что он обязательно включает в себя утопический компонент, разворачивающийся в направлении эсхатологизма, социальной утопии, интеллектуализма (рационализма), религиозного мистицизма» [5: 42].

Действительно, утопизм часто относится наиболее существенным характеристикам русского национального самосознания. Причем, русский утопизм многообразен, в нем есть и социальный, и религиозный и научный компонент. Чтобы понять своеобразие отечественной культуры, необходимо проводить различие между *утопичностью* и *утопизмом*. Мы полагаем, что утопичность – это положительная характеристика, свидетельствующая об устремленности как личности, так и общества к духовному идеалу. Утопизм, наоборот, это следование произвольным, основанным на искаженных представлениях о действительности, далеко отстоящих от духовного идеала.

В этом контексте важно посмотреть на механизм формирования утопического восприятия действительности. Рассмотрим несколько точек зрения.

Представляет интерес следующая позиция: «Утопия отличается тремя основными признаками: критикой настоящего, внутренней логикой и всеобщей применимостью. Наоборот, утопизм – склад ума, склоняющийся к утопии, т.е. пытающийся удержать отсутствие коммунитаризма или спровоцировать его (отсутствие); он может быть источником явлений другого жанра и принимает дискурсивные формы других жанров. Потеря равновесия между цивилизацией и коммунитаризмом является источником утопии и утопизма. В таких рамках проблема коммунитаризма решается полным отчуждением человека от самого себя, но в силу коллективного характера общественного быта коммунитарные законы легче действуют на людей и превращают новое общество в реализацию того, что избегалось» [16: 193-194]. Немецкий философ А. Веллмер дает такое лаконичное

определение: «Утопия означает «завершение» в смысле окончательного осуществления идеала или цели истории» [4: 37].

И «потеря равновесия между цивилизацией и коммунитаризмом», и «окончательное осуществление идеала» означает *отход от традиции* и тех духовных ценностей, которые она в себе несет. В результате происходит искажение *традиционного образа человека* в сторону его неправомерной идеализации. Как отмечает С. Г. Семенова: «Всякая идеализация природы человека, непонимание противоречивости работающих в ней побуждений и начал, недооценка разрушительных, иррациональных сил ведет к утопическому прекраснотворению, больно отзывающемуся на человечестве» [12: 134].

О силе традиций, их способности формировать, усваивать и передавать наиболее существенные человеческие качества во времени очень точно писал И. Гердер. Вот его слова: «Воспитание человеческого рода – это процесс и генетический, и органический; процесс генетический – благодаря передаче традиций, процесс органический – благодаря усвоению и применению переданного. Мы можем как угодно назвать этот генезис человека во втором смысле, мы можем назвать его *культурой*, то есть возделыванием почвы (согласно этимологии латинского слова), а можем вспомнить образ света и назвать *просвещением*, тогда цепь культуры и просвещения протянется до самых краев земли» [6: 230].

По сути дела у классика немецкой философии оказываются тождественными понятия *традиция, культура и просвещение*. Это соответствует общей просветительской установке Гердера, которая отнюдь не отрицает, а предполагает религиозный аспект. В таком же духе дает определение традиции современный религиовед Поль Валльер: «Культура зависти от преподавания и учебы, а преподавание и учеба предполагают традицию. Поэтому понятие традиции применяется ко всем областям культуры – к науке, искусству, литературе, образованию, праву, политике и религии» [2: 159].

А вот мнения современных отечественных исследователей: «Традиция – это культурное ядро цивилизации, на котором покоится ее индивидуальность» [14: 446]; «Традиция – это спасение человека от духовного сумасшествия, которое открывается ему как невозможность однозначно-непротиворечивого выбора в ситуации бесконечного набора возможностей. Традиция – обеспечение онтологической безопасности. Именно в традиции находит человек уют и пристанище, именно в ней он чувствует себя уверенно, именно в ней все пронизано светом благого смысла. Только в традиции человек способен чувствовать себя человеком и продолжать свое человеческое существование» [3: 52]; «Общее, повторяющееся в истории национальной культуры – это именно то, что составляет основу *традиций, культурно-исторической преемственности и национальной ментальности культуры*, что определяет *единство национальной культуры* на всех этапах и фазах ее становления и развития как ценностно-смыслового единства» [8: 642-643].

Этих определений достаточно, чтобы увидеть, насколько важна роль традиции в организации духовного бытия и человека, и истории. Традиция в этом смысле – это *хранение неутопического представления о человеке* во всей полноте его наличных свойств, во всей совокупности его как «светлых», так и «темных» проявлений. Утопическая конструкция возникает, соответственно, из-за недооценки наличного бытия, в котором видится лишь несовершенство, рождающее немедленное желание внедрить добро, и, тем самым, исправить эту действительность. В итоге – завершить истории воплощением какого-то идеала добра.

В этом проявляется непонимание природы добра, его остродраматический характер, о котором много говорили русские философы, и прежде, всего В. С. Соловьев. В своей главной работе по нравственной философии «Оправдание добра» он пишет: «Мы знаем, что те исторические образы Добра, которые нам даны, не представляют такого *единства*, при котором нам оставалось бы только или все принять, или все отвергнуть; кроме того, мы знаем, что эти жизненные устои и образования не упали разом с неба в готовом виде, что они слагались во времени и на земле; а, зная, что они *становились*, мы не имеем никакого разумного основания утверждать, что они *стали* окончательно и во всех отношениях, что данное нам в эту минуту есть всецело законченное» [13: 90].

Абсолютизация какого-то идеала приводит к подмене идеала утопическим конструктом. Сам по себе идеал – необходимый элемент в структурировании жизненного мира и на индивидуальном, и на социальном, и на историческом уровнях. В этом смысле идеал имеет нравственно положительное значение. Конечно, всякий идеал содержит в себе утопичный элемент. Но без этого нет идеала, поскольку его структура необходимым образом содержит трансцендирующее начало, отвечающее трансцендирующей сущности человека. Известный философ-этик В. Г. Иванов писал по этому поводу: «Идеал – некий путеводный огонек, он задает направление движению, однако сам не достижим, не может быть воплощен в действительность. Но как хочется «свое любимое» возвести в ранг Абсолюта! Как хорошо звучит: «Абсолютная истина!» «Абсолютная красота!» «Абсолютное добро!» Увы! Не надо забывать, что все они – метерлинковская Синяя птица: едва ее схватишь – в руках оказывается ворона или еще что похуже» [7: 66-68].

Проблема начинается в случае *абсолютизации идеала*, то есть стремления воплотить его в живую конкретную действительность. Утопический идеал в противоположность истинному идеалу

уместно назвать *идолом*. Эти два очень близких по звучанию слова – «идеал» и «идол» – обнаруживают фундаментальное несходство. Их смешение часто приводит к катастрофе как отдельного человека, так и целого народа.

Что общего между словами «идол» и «идеал»? Наличие общего смысла, который коренится в понятии «идея». Идея – это то, что всецело определяет существование человека. Бытие человека всегда идейно, даже если имеет место отрицание идей. Идейно не значит идеально. В этом смысле можно сказать, что идолы – это ложные идеи, которые унижают и уничижают человека и его нравственное достоинство. В то время как идеал – это подлинная, истинная идея, возвышающая и одухотворяющая человека.

В борьбе между идолами и идеалами и свершается человеческая жизнь и всеобщая история. Низменные страсти и инстинкты всегда тянут к обоготворению мелкого и ничтожного, заставляя комфортнее устроиться в несовершенном мире. Но духовное начало побуждает человека всегда ставить высокие цели, искать истинные смыслы и ценности, формулировать достойные идеалы.

Всерьез борьбу с идолами начало христианство, а борьбу с утопией как извращением духовного идеала продолжила русская религиозная философия. Как отмечает М. А. Волошина: «В работах С. Л. Франка, Н. А. Бердяева, Г. В. Флоровского, С. Н. Булгакова и других утопия была подвергнута критике с позиций христианского мирозерцания, была показана несовместимость утопизма и христианства, несмотря на многие внешние сходства между ними, обусловленные заимствованием утопистами у христианства многих своих идей, таких как проблема смысла истории и ее цели, идея греховности мира, его грядущего конца и суда над ним и др.» [5: 43]. Действительно, с точки зрения высокой духовности оказывается невозможно обожествление конечных человеческих представлений о религиозной сфере. Христианство явило миру торжество абсолютного в своей истине и красоте образа Троицы, который стал и совершенным духовным и нравственным идеалом, и целью научных и художественных стремлений для большинства человечества в истории. Можно сказать, что этот образ вдохновил наиболее творческие и талантливые силы в России и Европе.

Но помимо религиозных есть еще и культурные иды; они-то и составляют наиболее ложную идею существования. Культурные иды и кумиры – это те неабсолютные и конечные ценности, которые человек почитает за истинные и абсолютные. Их, увы, много; это и личный достаток, и богатство, и власть, и слава, и мелко-эстетические идеи массовой культуры, и псевдогерои. Но, пожалуй, самые вредные и опасные иды в общественной жизни – это идеологии, спекулирующие на духовности и использующие духовные идеалы в своих прагматических целях.

В русской философии дан концептуальный анализ и системная критика утопизма. Важным является разделение *идеала* и *утопии*. Так в работе «Об общественном идеале» П.И. Новгородцев пишет о положительном свойстве идеала как о ««всеобщем идеале, который всегда один и тот же и стремление к которому составляет правду и смысл общественной жизни» [10]. В положительном идеале заключается требование бесконечного нравственного совершенствования, которое необходимо для конструирования здоровой социальной реальности.

Утопизм связан с особой чертой русского интеллигента, которую С. Л. Франк назвал «нигилистическим морализмом» и охарактеризовал ее так: «Нигилизм и морализм, безверие и фанатическая суровость нравственных требований, беспринципность в метафизическом смысле – ибо нигилизм и есть отрицание принципиальных оценок, объективного различия между добром и злом – и жесточайшая добросовестность в соблюдении эмпирических принципов, т. е., по существу, условных и непринципиальных требований – это своеобразное, рационально непостижимое и вместе с тем жизненно-крепкое слияние антагонистических мотивов в могучую психическую силу и есть то умонастроение, которое мы называем нигилистическим морализмом» [15: 88].

Этот морализм искажает действительное восприятие реальности. Вместо последовательного и постепенного преобразования существующей реальности, преобразования, нравственного, прежде всего, предлагается революционный скачок, в действительности не исправляющий, а разрушающий действительность. Проблема и сложность в том, что этот нигилистический идеал обосновывается моральной аргументацией. Таким образом, связь между утопизмом, морализмом и нигилизмом налицо.

Этому синтезу (на самом деле *псевдо-синтезу утопизма, морализма и нигилизма*), который становится идеологией, может в действительности противостоять только духовность. Здесь проявляется фундаментальное различие между духовностью и идеологией. Между духовностью и утопией. *Духовность не утопична, а утопия не духовна* – так можно выразить сущность взаимоотношения этих двух понятий, подмена которых часто приводит к серьезным социально-историческим катаклизмам.

Необходимо в этом контексте обратить внимание на некоторые реалии *современного духовного состояния мира*. Христианство как носитель подлинной духовности во все времена являлось противоядием построению утопических доктрин. Однако, в современном мире чистота христианского чувства, как отмечал С. С. Аверинцев, «не раз замутнялась и продолжает замутняться», в том числе «утопической эйфорией, также не чуждой истории христианства, а в секуляризован-

ной переработке легшей в основу идеологической веры в абсолютную благодать так называемого *прогресса*» [1: 390].

Такое состояние мира способствует распространению хилиастические доктрины, которые создают новые утопические проекты: «Христианская концепция хилиазма способствовала становлению ряда утопических идеологий: протестантских, коммунистических, национал-социалистических. В современном обществе, взбудораженном террористическими актами, экологическими катастрофами, распространением неизлечимых болезней, растут эсхатологические ожидания, приводящие к возникновению новых алармистских или утопических, религиозных и внерелигиозных идеологий» [11: 7]. Эта трансформация, в результате которой *духовное* переходит в *идеологические*, дает основание полагать утопичным само христианство.

Если посмотреть на историю России XX века, то следует признать, что страна пережили искушение двух идеологий, двух идолов. Это *идол политический* (коммунизм) и *идол экономический* (рынок). Два идола, две утопии, в основе которых лежит приземленный посюсторонний идеал. При всей их ориентированности на жизнь, эти идолы были как раз более всего враждебны жизни. Правда, коммунистический идеал был выше, чем рыночный (поэтому он и просуществовал дольше), но, лишенный подиной духовной перспективы, тоже не мог быть долговечным. Стремление правильно устроить жизнь исключительно на политических и экономических началах оказывается тщетным. Трагический опыт России как раз и показал это. Крах политических и экономических идолов сегодня налицо.

Однако, сегодня общество впало в еще более грубое идолопоклонство. Идолы рынка в культурной сфере дают совершенно ложный и искаженный образ жизни. В основе его одна единственная идея – получить от жизни все, насладиться быстропротекающим временем, причем любыми средствами. Это уже ведет не просто к краху политической и экономической системы, но уже к вырождению самих основ существования. Более того, сама культурная идеология сегодня направлена на дискредитацию идеалов, на понижение духовного уровня жизни. Вот они современные идолы культуры: вместо нравственности – выгода, вместо веры – суеверия, вместо благоговения – пошлость и ирония, вместо гармонии души и тела – культ физического здоровья, вместо разумного хозяйствования – обогащение любой ценой, вместо красоты – уродливый гламур, вместо подвижничества – прагматика, вместо героизма – хитрость и увертливость, вместо искусства – искусственность и подделки, вместо слов – сквернословие.

В проекции на социально-культурную плоскость это выглядит следующим образом: «Сначала «умер Бог», потом стали бороться против собственности, власти, государства и мужского господства. Сегодня философы объявили о смерти человека и, наконец, самой философии. Все эти манифесты от безобидных философских призывов и вызывающих насмешку феминистских лозунгов до грозных идеологических манифестов и шумных политических акций сопровождаются часто незаметными изменениями повседневных форм жизни. Улучшение условий труда и подъем материального благосостояния, урбанизация и борьба за комфорт, пластическая хирургия и изменение пола, распространение новых религий и формирование новых масс-медиа – все это коренным образом изменило человеческую жизнь, которая оторвалась не только от природно-биологической основы, но и от социума и культуры, как они строились на протяжении веков» [9: 6-7].

Необходимость подлинных идеалов для полноценной и достойной жизни просто-напросто насущна. Для этого необходима философская работа по выявлению фундаментальных различий между утопией и идеалом. Историко-философская реконструкция культурного опыта прошлого нашей страны показывает, что если идеал связан с духовной традицией, то утопия основывается на идолах.

Итак, утопическое мышление начинает работать в ситуации нарушения диалектического равновесия между традициями и инновациями. Традиция хранит родовую мудрость относительно индивидуального и социального бытия; инновация приспособливает эту мудрость к меняющимся реалиям. Если акцент в сторону традиции, тогда происходит консервация и застой всех социальных практик, если упор на инновации, то – выхолащивание духовного содержания и тотальным критицизмом окружающего. Разумный баланс между традициями и инновациями является необходимым противоядием против создания различных утопий. Его можно достичь посредством формирования *позитивного идеала*, основанного на духовной традиции.

Список литературы References

1. Аверинцев С.С. Различение знаков времени: христианское отношение к истории // Личность и традиция: Аверинцевские чтения. К.: Дух і літера, 2005. С. 389-398
Averintsev S. S. the Discernment of the signs of the times: the Christian attitude to history // Personality and tradition: Averintseva reading. K.: Duh i Litera, 2005. P. 389-398.
2. Валльер П. Традиция // Личность и традиция: Аверинцевские чтения. К.: Дух і літера, 2005. С. 159-203.
Waller P. Tradition // Personality and tradition: Averintseva reading. K.: Duh i Litera, 2005. P. 159-203.

3. Варава В.В. Неведомый Бог философии. М.: Летний сад, 2013. 256 с.
Varava, V. V. the Unknown God of philosophy. Moscow: Summer garden, 2013. 256 p.
4. Веллмер А. Модели свободы в современном мире // СОЦИО-ЛОГОС. М. : Прогресс, 1991.
Wellmer A. Models of freedom in the modern world // SOCIO-LOGOS. M. : Progress, 1991.
5. Волошина М.А. Утопичность как важнейшая характеристика русского космизма // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 42-51.
Voloshina M. A. Utopian as the most important characteristic of Russian cosmism // Questions of philosophy. 2014. No. 9. S. 42-51.
6. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества М.: Наука, 1977.
Herder, I. G. Ideas to the philosophy of history of mankind, Moscow: Nauka, 1977.
7. Иванов В.Г. ...Еще раз об идеале // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя. СПб., 2000. С. 66-68.
Ivanov V. G. ...once again, the ideal of the Ethical and the aesthetic: after 40 years. SPb., 2000. S. 66-68.
8. Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. – М.: Аспект Пресс, 1997.
Kondakov I. V. introduction to the history of Russian culture. – M.: Aspect Press, 1997.
9. Марков Б.В. Реквием сексуальному // Бодрийар Ж. Забыть Фуко. СПб., Владимир Даль, 2000.
Markov B. V. Requiem sexu // Baudrier Jean Forget Foucault. SPb., Vladimir Dal', 2000.
10. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991.
Novgorodtsev P. I. About social ideals. M., 1991.
11. Образ рая: от мифа к утопии. Серия "Symposium", выпуск 31. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003.
The image of Paradise: from myth to utopia. Series "Symposium", issue 31. SPb.: Saint-Petersburg philosophical society, 2003.
12. Семенова С.Г. Преодоление трагедии. М.: Советский писатель, 1989.
Semenova, S. G. Overcoming tragedy. Moscow: Soviet writer, 1989.
13. Соловьев В.С. Оправдание добра. М., 1988.
Solovyov V. S. the Justification of the good. Moscow, 1988.
14. Суханова М.А. Традиции и инновации в культуре // Инновации и образование. Сборник материалов конференции. Серия «Symposium», выпуск 29. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003.
Sukhanova, M. A., Tradition and innovation in culture // Innovation and education. Proceedings of the conference. Series "Symposium", issue 29. SPb.: Saint-Petersburg philosophical society, 2003.
15. Франк С.Л. Этика нигилизма // С.Л.Франк. Сочинения. М.: Правда, 1990.
Frank S. L. the Ethics of nihilism // S. L. Frank. Works. Moscow : Pravda, 1990.
16. Thibonnier L. Утопия и утопизм Образ рая: от мифа к утопии. Серия "Symposium", выпуск 31. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 193-194.
Thibonnier L. Utopia and utopianism the Image of Paradise: from myth to utopia. Series "Symposium", issue 31. SPb.: Saint-Petersburg philosophical society, 2003. S. 193-194.